

© 2012 г.

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ» (Харьков, 28–29 октября 2010 г.)

28–29 октября 2010 г. в Харькове состоялась VII Международная научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины», проводившаяся под эгидой Харьковского областного историко-археологического общества и Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

На пленарном заседании с докладом «О святилищах Афродиты в Ольвии» выступила *В.В. Крапивина* (Киев). Автор доклада подчеркнула, что ранее святилище Афродиты и Гермеса в Ольвии было зафиксировано только на Западном теменосе, однако работы последних десяти лет позволили сделать вывод о том, что еще одно святилище Афродиты располагалось в юго-восточной части Верхнего города. Собственно святилище пока не выявлено. Тем не менее в пользу его локализации в данном районе Ольвии свидетельствует открытие здесь ботроса святилища Афродиты V в. до н.э. Обнаружены также следы металлообрабатывающей мастерской, которая, очевидно, была связана со святилищем. Здесь же выявлено домашнее святилище Афродиты, Гермеса и Матери богов конца II – второй четверти III в. н.э., а также большое количество артефактов, связанных с культом Афродиты. Среди них *В.В. Крапивина* выделила посвящения конца VI – начала V в. до н.э., а также фрагменты мраморных статуэток богини конца IV–II в. до н.э. и I в. н.э. Автор доклада отметила, что юго-восточная оконечность Верхнего города топографически вполне соответствовала необходимым условиям для возведения здесь святилища Афродиты, и выдвинула предположение, что в Ольвии в конце VI–V в. до н.э. культ Афродиты был столь же значителен, как и в архаическом Милете и классических Афинах, что обычно связывают с процессами консолидации полиса.

В данном сообщении приводится обзор докладов по античной истории, заслушанных на заседаниях секций «История и археология Северного Причерноморья в античную эпоху» и «История и культура античного мира».

В рамках секции «История и археология Северного Причерноморья в античную эпоху» (руководители секции *В.В. Крапивина* и *А.П. Медведев*) было представлено 11 докладов.

Работу секции открыл доклад *Д.В. Бондаренко* и *А.И. Смирнова* (Николаев) «Основные направления дореволюционных исследований острова Березань». Авторы проанализировали более 40 дореволюционных работ, посвященных Березани. Они предложили рассматривать эти работы в рамках двух групп: 1) исследования «кабинетного» характера (публикация лапидарных надписей и других артефактов, статьи, посвященные исторической географии, историографии и методологии); 2) публикации, связанные с полевыми исследованиями (отчеты о результатах путешествий и археологических работ на острове). Историографический анализ позволил *Д.В. Бондаренко* и *А.И. Смирнову* прийти к выводу, что дореволюционная наука достигла больших достижений в исследовании о. Березань: здесь были открыты поселения архаического и раннеклассического времени, определены его территории и хронологии, был констатирован факт существования на острове в римское время святилища Ахилла Понтарха, изучена керамика и эпиграфические памятники.

Результаты недавних археологических исследований Ольвии были представлены в докладе *А.В. Ивченко* (Киев) «Два новых захоронения из некрополя Ольвии с позднихиосскими амфорами». Помимо общей характеристики погребальных сооружений и инвентаря склепов № 4 и 6, открытых в 2008 г. на раскопах «Северный мыс 2» и «Северный мыс 1» ольвийского некрополя, докладчик уделил особое внимание вопросу о датировке данных захоронений. Датировочный материал, в том числе монетные находки, позволили отнести склеп № 4 к последней трети II в. до н.э., а склеп № 6 – к концу II – рубежу II–I вв. до н.э. В связи с этим *А.В. Ивченко* отметил, что хиосские амфоры с острым дном без выделенной ножки, включенные в погребальный инвентарь обоих захоронений, являются

достаточно редкой находкой. Обнаружение таких амфор в хорошо датированных комплексах подтверждает ранее установленную хронологию этого типа керамической тары (II в. до н.э.). Кроме того, находки хиосских амфор позднего типа дают основания корректировать мнение о том, что торговый оборот Ольвии с Хиосом резко сократился или даже полностью прекратился в середине III в. до н.э. Наконец, было высказано предположение, что находки подобных амфор в склепах, отличающихся относительным богатством погребального инвентаря, свидетельствуют о том, что эта категория керамического материала может служить индикатором высокого социального статуса погребенных.

Несколько докладов также было посвящено проблемам боспорской археологии. *А.П. Медведев* (Воронеж) в докладе «Склепы римского времени из раскопок некрополя Фанагории в 2005–2007 гг.» представил результаты археологических исследований центральной части Восточного некрополя Фанагории. На этом участке отрядом Воронежского государственного университета в 2005–2007 гг. были открыты 120 погребальных комплексов, содержащих свыше 150 захоронений римского времени. В докладе особое внимание было уделено вопросу о погребальных сооружениях первых веков нашей эры, в частности о грунтовых склепах. Автор отметил, что начиная с рубежа нашей эры в Восточном некрополе появляются не характерные для эллинов обрядовые особенности, обычно связываемые с сарматской или меотской погребальной традицией: положение кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голенях ноги. Со второй половины II – начала III в. н.э. распространения получает северная ориентировка погребенных вместо ранее существовавшей южной. Особое внимание *А.П. Медведев* уделил презентации находок из исследованных погребений. В частности, были представлены предметы керамики, стеклянные сосуды, фибулы, пряжки и украшения, а также наиболее интересные терракоты из захоронений римского времени.

Свой доклад «Археологическое исследование памятника Заветное-V» *Л.Г. Шенко* (Донецк) посвятила результатам исследований поселения, расположенного в юго-восточной части Керченского полуострова, которое просуществовало с рубежа VI–V вв. до н.э. и до первой трети III в. до н.э. На территории памятника за годы археологических исследований, начатых в 1998 г., были заложены шесть раскопов, общая площадь которых превышает 1500 м². *Л.Г. Шенко* указала на то, что раскопы группируются в три участка, различающиеся по характеру и назначению. По мнению автора, археологические исследования Заветного-V позволяют сделать вывод о том, что этот памятник представлял собой сложный сельскохозяйственный комплекс, динамично функционировавший в V – первой трети III в. до н.э. На поселении четко выделяются жилая зона и хозяйственная территория, связанная с обработкой и хранением зерна.

На основе комплексного анализа археологических и письменных источников был построен доклад *С.Н. Прокопенко* (Белгород) «Развитие системы коммуникаций на хоре городов Боспора VI – первой трети III в. до н.э.». Исследователь обратил внимание на то, что на формирование системы коммуникаций раннего Боспора непосредственное влияние оказали природно-географические условия. Автор предложил рассматривать систему коммуникаций Боспора в рамках двух групп: сухопутные дороги и водные пути. В докладе была предложена классификация сухопутных дорог: 1) пути, связывавшие античные центры и отдельные микрзоны на Боспоре; 2) дороги, обеспечивавшие сообщение между городом и сельскими поселениями; 3) сеть дорог, соединявшая поселения с наделями. По мнению докладчика, общая тенденция развития системы коммуникаций в рассматриваемый период сводится к двум основным моментам: во-первых, поэтапное усложнение, во-вторых, более интенсивное использование морских путей сообщения в ранний период, и постепенное увеличение роли сухопутных дорог в дальнейшем.

Изучению отдельной категории артефактов был посвящен доклад *В.А. Меньшиковой* (Ростов-на-Дону) «Лепные курильницы с каннелюрами Большой греческой колонии Елизаветовского городища». Исследовательница отметила, что 15 курильниц с вертикальными каннелюрами, найденные на Елизаветовском городище, датируются концом IV – началом III в. до н.э. и типологически сходны с аналогичными сосудами из погребальных комплексов Прикубанья этого же периода. При этом курильницы Елизаветовского городища, по мнению *В.А. Меньшиковой*, характеризуются синтезом элементов декора, свойственных для скифских, меотских и савромато-сарматских образцов керамики. В связи с этим докладчица в качестве гипотезы высказала предположение о скифо-савромато-меотском симбиозе во всем комплексе лепной керамики Большой греческой колонии Елизаветовского городища, в частности и курильниц с каннелюрами.

А.Г. Плешивенко (Запорожье) в докладе «Об “акрополе” Каменского городища» высказалась в пользу переосмысления роли и значения Каменского городища в истории Скифии, поставив под сомнение первоначальное определение его «акрополя» как резиденции скифских царей. Автор выдвинула предположение, что на месте «акрополя» Каменского городища существовал греческий эмпорий, основанный в IV в. до н.э. В пользу этой гипотезы исследовательница привела следующие аргументы: «акрополь» городища отличало каменное домостроительство и возведение оборони-

тельных сооружений с использованием архитектурно-строительных приемов греческой культуры, богатство импорта и его количественное преимущество над местным материалом, удаленность от «ремесленной» территории и отсутствие производственных остатков. Как отметила А.Г. Плешивенко, основание эмпория на Каменском городище должно было способствовать расширению греческой торговли в Скифии.

Д.В. Грибанов (Харьков) в докладе «Греческое имя Эпикрат в ономастике боспорской аристократии» обратился к сложной проблеме семейных связей и социального положения греческой аристократии Боспора эпохи Спартокидов. На основании анализа эпиграфических источников IV–III вв. до н.э. докладчик предположил, что в этот период личное имя Эпикрат использовалось преимущественно представителями одной из боспорских аристократических семей. По мнению Д.В. Грибанова, в IV – первой половине III в. до н.э. семья Эпикратов-Синдов владела на Боспоре керамическим эргастерием, ее представители избирались на должности полисных магистратов, активно участвовали в горгиппийских агонах в честь Гермеса и, возможно, входили в состав местных религиозных союзов. Пример этой семьи наглядно демонстрирует значительную социально-политическую роль, которую играла греческая аристократия в боспорском обществе и административном управлении эпохи ранних Спартокидов.

В докладе «Варвары Ахиллова Бега античного времени» *С.В. Ярцев* (Тула) попытался локализовать известных из античной письменной традиции неких «тавро-скифов» Ахиллова Бега и определить их этническую принадлежность. Автор выдвинул предположение, что в районе Ахиллова Бега (Тендровская коса) постоянно базировалось некое специфическое варварское сообщество, представлявшее собой объединение выходцев из разных племен, занятых пиратством. Согласно высказанной гипотезе, пираты, нападавшие на о. Левку в конце IV – начале III в. до н.э., принадлежали именно к этому сообществу, которое исследователь отождествил с «тавро-скифами», упоминавшимися позднейшими античными авторами. По мнению С.В. Ярцева, Ахиллов Бег и Гилея, также служившая местом укрытия для пиратских и разбойничьих набегов, являлись традиционными ориентирами для переселения варваров в Северное Причерноморье.

На заседаниях секции «История и культура античного мира» (руководители секции А.Г. Бандровский и С.Д. Литовченко) выступили 13 докладчиков.

И.В. Зайцева (Белгород) в докладе «Элементы античной религии в трактовке Климента Александрийского» говорила об отношении христианского автора к религиозному сознанию, религиозной деятельности и религиозным отношениям язычников. Религиозное сознание язычников, по мнению Климента, являлось полным заблуждением. К религиозной деятельности почитателей античных культов Климент относил все виды мистерий, жертвоприношений и иные действия, связанные с поклонением язычников своим богам. Климент изучал различные виды мистерий. Так, он упоминает мистерии Афродиты, Аттиса, Деметры, Кибелы, корибантов, Сабазийские мистерии и ряд других. Изначально самое большое его негодование вызывали оракулы, которые, как он считал, являлись «нечестивыми святилищами и полной обмана пастью безднь». Религиозные отношения язычников, с точки зрения Климента, также выражались в полном распутстве и поклонении богам, которые наравне с ними совершают грехи и занимаются прелюбодеянием. В этой связи он говорил о необходимости просвещения людей. Таким образом, по мнению И.В. Зайцевой, Климент отрицал античный образ жизни в целом и религию в частности, но принимал некоторые аспекты культурного наследия античности, не связанные с религией.

В докладе *А.Л. Янко* (Полтава) «Формы собственности на землю у этрусков» была рассмотрена специфика земельных отношений у этрусков. Автор указал на дискуссионность этого вопроса в историографии и предложил свое решение. Существование на протяжении VIII–V вв. до н.э. храмовой и царской форм собственности на землю у этрусков подтверждают различные источники. Среди них: остатки царских дворцов в Тоскане, пророчество Вегойи, надпись из Пирг (начала V в. до н.э.), свидетельства Тита Ливия и Тарквинийской элогии (I в. до н.э.). Эти формы собственности были уничтожены на протяжении V века до н.э., скорее всего, из-за упразднения царской власти. На это косвенно указывают данные Сервия Зонары. Подтверждением существования наследственной собственности на землю у этрусков являются надписи на межевых камнях IV–II вв. до н.э. В этих надписях встречаются выражения *rasna hilar* и *helu tesne rasne*, которые можно переводить как «общественная земля». Очевидно, они означали особую категорию земель, принадлежавших этрусской общине и участок выделялся семье для строительства на нем гробницы. Следовательно, у этрусков этого периода можно проследить существование двуединой (античной) формы собственности на землю, когда собственником отдельной парцеллы мог быть только полноправный гражданин государства.

Доклад *С.С. Казарова* (Ростов-на-Дону) «Царь Пирр и Додона» был посвящен вопросу о взаимоотношениях выдающегося греческого полководца царя Пирра и Додонского оракула, имевшего

общегреческое значение. Эта проблема помогает изучить ту роль, которую царь Эпира в процессе создания и укрепления монархии эллинистического типа отводил Додоне. Данные источников свидетельствуют о тесных связях между царем Пирром и Додонским оракулом. Додона, утратившая свою главенствующую роль общегреческого святилища и отошедшая на второй план в связи с усилением роли Дельфийского оракула, нуждалась в повышении своего престижа. С другой стороны, царь Пирр, создававший монархию эллинистического типа, для сакрализации своей власти нуждался в покровительстве авторитетного общегреческого святилища, которым являлась ранее Додона.

В сообщении «Боевые слоны в армиях Баркидов (241–202 гг. до н.э.)» *А.И. Козак* (Черновцы) говорил об участии боевых слонов в армиях карфагенских полководцев в эпоху Баркидов. Пунийские военачальники формировали и пополняли слоновый корпус африканскими животными. Курций Руф и Полибий сообщают, что африканские слоны были гораздо меньшего размера и менее свирепы, чем индийские. Однако современные саванновые слоны, напротив, крупнее своих азиатских сородичей. У животных, изображенных на серебряных монетах Баркидов, видны длинные бивни и большие неокругленные уши, что доказывает их принадлежность именно к саванновому подвиду. Традиционно считается, что пунийцы познакомились с боевыми слонами во время походов Пирра. Но, согласно описаниям Полибия и Фронтина, по-настоящему эффективную схему боевого использования слонов карфагенянам продемонстрировал Ксантипп, который с помощью боевых слонов наголову разбил римского консула Регула у Багады. Тактические схемы применения боевых слонов Баркидами имели ряд отличий. Обычно слонов помещали по всей протяженности собственного строя и направляли против рядов вражеской пехоты. Новаторским было использование Ганнибалом слонов для штурма вражеских укрепленных лагерей.

Е.В. Литовченко (Белгород) в докладе «К вопросу о структуре менталитета римской интеллектуальной элиты позднеантичного времени» отметила, что для понимания сущности менталитета большое значение имеют представления о его структуре, которую образуют «картина мира» и «кодекс поведения», основанный на конкретном варианте мировидения. Римская система ценностей сложилась в период республики, как набор таких моральных понятий, как *gravitas*, *pietas*, *virtus*, *fides*, *honor*. В период Империи смысловое наполнение и иерархия добродетелей меняются. На первое место выходит *honor*, *pietas* сохраняет свои позиции, а *virtus* и *gravitas* утрачивают свое значение. Однако в позднеимперскую эпоху снова происходит возврат к «старым римским ценностям» в среде образованной аристократии, которая перед лицом внешней опасности видела реальную пользу в сохранении лучших римских традиций. Значимую роль в этом процессе сыграло христианство. Роль *fides* и *virtus* в обществе падает. Верность долгу и государству в контексте христианской религии не должны заслонять собой служение Богу. *Virtus* как личное мужество остается идеалом единиц. Брошенные центральной администрацией на произвол судьбы, аристократы в провинции, вынуждены были брать в свои руки защиту городов от нападений варваров. Большое значение приобретает *honor*, которая рассматривается как знатность рода и высокая должность.

В докладе *О.М. Петречко* (Дрогобич) «Римское общество и *superstitio* во II в. н.э.» были рассмотрены представления римлян II в. н.э. о *superstitio*. Л. Янссен отмечает, что если для нас суеверие не является чем-то опасным, то римляне воспринимали его иначе. Джон Шайд, опираясь на данные Плутарха, так описывает представления римлян: суеверные люди полагают, что боги злы и завистливы, и поэтому испытывают перед ними страх. Этот страх провоцирует рабское поведение, цель которого – привлечь расположение богов. В то время как Сенека приравнивает *superstitio* к атеизму, Плутарх осуждает и суеверия, и атеизм, и утверждает, что настоящая религия лежит между ними. Следуя такой трактовке, магию, как и астрологию, тоже можно отнести к *superstitio*. Суеверия были присущи представителям всех слоев римского общества, в том числе и императорам. Так, Нерон лично участвовал в устроенных магами обрядах. Суеверными были и императоры II в. н.э. Завоевание Римом новых территорий неизбежно создавало проблему сосуществования с иноземными верованиями. Римляне считали чужеземные (восточные) верования суевериями и поэтому видели в них причины для смут. По мнению автора доклада, одним из них было христианство, которое было больше чем *superstitio*, так как новая религиозная община могла превратиться в *coniuratio*, опасную для государства. Другими словами, в глазах римлян христианство было реальной угрозой для существования традиционного общества.

С.Д. Литовченко (Харьков) в докладе «Царство Софена в восточной политике Помпея» отметил, что мероприятия Гнея Помпея по упорядочению ситуации на Востоке касались не только организации новых римских провинций, но и территориальных изменений эллинистических монархий, принятых в дружественный союз с Римом. Помпеево устройство Азии неоднократно рассматривалось в работах современных исследователей, однако далеко не все решения Помпея были окончательно установлены. Одной из наиболее спорных территорий можно признать армянское царство Софена, история середины I в. до н.э. которого остается предметом дискуссии. По мнению С.Д. Литовченко,

судьба Софенского царства после 66 г. до н.э. может быть реконструирована с достаточной достоверностью. Можно утверждать, что Софена, как и Гордиена, была возвращена Тиграну II, о чем содержится намек в сообщении Диона Кассия. О принадлежности царства к Великой Армении свидетельствуют и письма Цицерона, который рассматривает Евфрат как границу между Каппадокией и Великой Арменией. Передача Софенского царства Тиграну II демонстрирует стремление Помпея укрепить положение армянского монарха – нового «друга и союзника римского народа» – и указывать на важность Великой Армении в новом римском устройстве малоазийского региона.

В докладе «Пропаганда Октавиана накануне Актийской битвы и “республиканизм”» А.Н. Токарев (Харьков) поставил вопрос о соотношении «республиканизма» и «традиционализма» в пропаганде Августа в конце 30-х годов до н.э. Многие ученые рассматривают мероприятия Октавиана этого времени как «республиканские» акции, которые якобы вызывали большой резонанс в римском обществе. Например, «республиканские» черты находят в иллирийском походе Октавиана (35–33 гг. до н.э.), в эдилитете Агриппы и широкой строительной деятельности ближайшего соратника Августа, в лояльности приемного сына Юлия Цезаря к «национальной» религии, в строительстве мавзолея Августа и др. В этих суждениях налицо смешение понятий «республиканизма» и «традиционализма». Исследователи подменяют традиционные представления, характерные для всех римских политиков, идеологическими представлениями «оптиматов». Автор доклада подчеркивает, что на самом деле в своей пропаганде в конце 30-х годов до н.э. Октавиан не использовал «республиканские» лозунги, характерные для сторонников *libera res publica*, он опирался на традиционные римские ценности.

К.Ю. Нефедов (Харьков) в докладе «Селевк Никатор, Стратоника и династия Аргеадов» обратился к довольно неординарному поступку основателя династии Селевкидов, Селевка Никатора, который, вступив в брак в 299 г. до н.э. с дочерью Деметрия Полиоркета Стратоникой, через несколько лет официально отдал ее в жены старшему сыну Антиоху. Ни античные авторы, ни современные исследователи не дали этому событию рационального объяснения. К.Ю. Нефедов полагает, что «передача» супруги сыну связана с родственными отношениями между их династией и Александром Македонским. Сам факт женитьбы Селевка на Стратонике является весьма необычным, ведь основатель династии не использовал браки в политических целях: до 299 г. до н.э. он был женат на персиянке Апаме. Мотивы становятся очевидными, если принять во внимание родословную Деметрия и его дочери. Как показал Р. Биллоуз, мать Деметрия имела родственные отношения с династией Аргеадов. Следовательно, женившись на дочери Полиоркета, Селевк становился причастным к македонскому царскому дому, что было весьма важно для правителя, контролировавшего большую часть бывшей империи Александра. Таким образом, не только харизма и близость к Александру лежали в основе власти диадохов. Огромную роль играла и наследственная легитимность македонского царского рода, на что исследователи часто не обращают внимания.

Доклад *О.М. Ильиной* (Харьков) «Культ Понтийской Матери богов в официальном пантеоне ионийских полисов Западного Понта в I в. до н.э. – III в. н.э.» был посвящен культу Понтийской Матери богов в Аполлонии, Одессосе, Дионисополе, Томах и Истрии. Эта тема до настоящего времени остается фактически малоизученной, что во многом объясняется отсутствием нарративных и отрывочностью других исторических источников. Однако изучение этого культа затрагивает важные проблемы античной истории и культуры: происхождения основных образов античной религии и мифологии и их эволюции, религиозного синкретизма, взаимоотношения восточных верований и античной религии, синкретичной римской религии и христианства. Данное направление исследований полезно для анализа проблем истории общественных настроений и религиозных верований, истории раннего христианства. Почитание культа богини в ионийских полисах Западного Понта имело официальный характер. Очевидно, популярности Понтийской Матери богов способствовали не только сохранение традиционных функций, иконографии, но и приобретение новых ипостасей, особенности отправления культов, синкретизации с местными фракийскими божествами, которая происходила в результате тесных и длительных связей с фракийскими племенами.

В докладе *А.Г. Чередииченко* (Белгород) «Язык критского линейного письма как реликт первобытного языкового континуума» была дана общая оценка происхождения языка линейного письма А. Первобытный языковой континуум Старого Света стал распадаться на формирующиеся языковые семьи во второй половине IV тыс. до н.э. Достоверных лингвистических фактов выделения индоевропейских языков из первобытного языкового континуума до рубежа III–II тыс. до н.э. не наблюдается. Но общеисторические соображения позволяют датировать обособление индоевропейского праязыка из первобытного языкового континуума все же концом IV и началом III тыс. до н.э. С XVIII в. до н.э. появляются памятники старохеттского языка, лувийских диалектов, языка линейного письма А на Крите. Последнее было создано для некоего индоевропейского языка, имевшего пережитки силлабоморфемного строя (фонетического протоиндоарийского типа) и развитую систему акцентов, тонов (просодики), которая еще не перешла на уровень консонантизма и (частично) на уровень вокализма,

имеющего следы сатэмной палатализации гуттуральных. Типологическое сходство слогоморфемной структуры слова, фонетической системы и слогового письма санскрита и линейного *A* неслучайно. Это сходство двух исконно родственных разных хронологических праязыковых состояний, имевших, вероятно, общего протоязыкового предка. Язык (диалекты), передаваемый линейным письмом *A*, происходил из того же источника, что и праиндоирано-дардо-кафирский, праармянский, праалбанский, но не дал жизнеспособных продолжений и исчез во второй половине II тыс. до н.э.

А.Б. Акимов (Харьков) в докладе «Муниципальная аристократия римской провинции Дакия» подчеркнул, что Дакия выделяется среди других дунайских провинций весьма значительным уровнем урбанизации. В ней насчитывалось 11 колоний и муниципиев, что довольно много для окраинной провинции. Это было следствием массового заселения этой территории выходцами из разных областей империи (в основном римскими гражданами). Одним из отличий римской Дакии от других дунайских провинций было наличие значительного слоя представителей муниципальной аристократии. В ее состав входили провинциалы, занимавшие важные административные и сакральные должности в муниципальных администрациях, входившие в состав *ordo decurionum*. Весьма высокую активность в деятельности администрации городов Дакии проявляли всадники и ветераны. По мнению докладчика, муниципальная элита Дакии фактически контролировала экономическую, социально-политическую и идеологическую жизнь провинции. Все это позволяет считать муниципальную знать важнейшей частью общества римской Дакии, во многом определявшей его функционирование и развитие.

А.Г. Бандровский (Львов) посвятил свой доклад «Формирование внешнеполитического курса Римской империи (Август и Тиберий)» анализу основ внешней политики Римской империи при Августе и Тиберии. Автор отметил, что принципиально новым в римском государстве стала ключевая роль принцепса при формировании стратегии и совершении конкретных внешнеполитических мероприятий. Проведение внешней политики, ведение войны и заключение договоров теперь зависело от воли императора. Он мог в любой момент отдать приказ полководцам прекратить кампанию, не принимая во внимание ход военных действий и дальнейшие перспективы конкретной кампании. Политика первых принцепсов носила агрессивный, наступательный характер, но основные тактические задачи были поставлены только в конце I в. до н.э. (около 15 г. до н.э.). Походы в конце I в. до н.э. привели к определению основных объектов завоевательной политики, которыми стали Германия и Паннония. *А.Г. Бандровский* подчеркнул, что внешняя политика Тиберия и его методы руководства провинциями были рациональными и высокоэффективными. В целом Тиберий продолжал традиции последних лет принципата Августа. Этим принципам придерживались и последующие императоры.

На заключительном пленарном заседании конференции *В.В. Крапивина* презентовала новейшие уникальные находки из раскопок Ольвии последних сезонов.

Тезисы докладов конференции опубликованы: «Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.)». Харьков, 2010.

С.В. Дьячков, А.Н. Токарев, Д.В. Грибанов

© 2012 г.

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КОЛОКОЛОВИДНЫЕ КУБКИ. ОТ АТЛАНТИКИ ДО УРАЛА». ПОЙО, ПОНТЕВЕДРА (ИСПАНИЯ), 5–9 МАЯ 2011 г.¹

Археологическая культура, а точнее, феномен колоколовидных кубков, как и ряд связанных с ним протоисторических построений, является предметом изучения и оживленной дискуссии практически с момента открытия этой культуры более 150 лет назад. Исключительность феномена заключается в первую очередь в том, что он проявляется в течение почти тысячелетия (приблизительно 2900–2100 гг. до н.э.) на обширных территориях Западной, Центральной и Восточной Европы, а также на севере Африки, причем ареалы его распространения достаточно регулярно менялись и никогда не составляли единого континуума.

Название археологической культуре дал тщательно изготовленный и напоминающий перевернутый колокол кубок. Объединяющим признаком феномена является определенный набор инвентаря, в

¹ *А.И. Фалилеев* выражает свою признательность РГНФ (грант 11-04-00220а), взявшему на себя часть расходов, связанных с поездкой на конференцию и подготовкой доклада.